

чистотою» писатель, по-видимому, понимает логичность, стройность и ясность изложения. В этой же статье Сумароков как бы противопоставляет Феофану другой тип проповедника: «Многие духовные риторы, не имущие вкуса, не допускают сердца своего, ни естественного понятия во свои сочинения; но умствуя без основания, воображая неясно и уповая на обычайную черни похвалу, соплетаемую ею всему тому, чего она не понимает, дерзают во кривые к Парнасу пути и, вместо Пегаса, обуздывая дикого коня, а иногда и осла, втащатся едучи кривою дорогою на какую-нибудь горку, где не только неизвестны музы, но ниже имена их и, вместо благоуханных нарциссов, собирают курячью слепоту».³⁸ Этот сатирический пассаж, вышедший как будто бы из-под пера самого Феофана, в свое время вполне легко мог быть обращен против Млодзяновского, Яворского и других сторонников барочной проповеди. Сумароков, однако, едва ли имел в виду какого-то определенного духовного ритора, и смысл полемики, очевидно, был иной: писатель ополчился против современного ему метафорического стиля, «неясного» и «неестественного». Возможно даже, что Сумароков стремился здесь задеть своего собственного противника — Ломоносова.

Решительный противник «великолепия», Феофан был ближе Сумарокову, чем Ломоносову. Но оба крупнейших писателя русского классицизма, признавая талант Прокоповича и отводя ему почетное место среди «риторов всей Европы», не могли его считать вполне «образцовым писателем». Феофан действительно часто «погрешал в чистом слоге» и соответственно нарушал ту жанровую иерархию, которая сыграла большую роль в системе классицизма. Между тем этот «грех» Феофана был по существу одним из его главных достоинств: оставаясь в пределах одного жанра, Прокопович сумел наметить основные темы, которые стали впоследствии разрабатываться в разных литературных жанрах.

Наиболее близким к «слову» Прокоповича был жанр панегирика, узаконенный в теории Ломоносова. Уже одному из первых исследователей творчества Феофана Прокоповича, В. М. Перевощикову, пришла идея сопоставить «Слово на похвалу Петра Великого» Прокоповича и «Слово похвальное Петру Великому» Ломоносова. В. М. Перевощиков заметил, что Феофан «почерпнул мысли из самого предмета, из обстоятельств слушателей»; Ломоносов же «превзошел Феофана далеко в правильности, чистоте и силе слововыражения».³⁹ И в содержании, и отчасти в композиции обоих «слов» немало общего. В «Слове» Прокоповича четко и последовательно говорится прежде всего о военных заслугах Петра, затем о его внутрисоциальной деятельности и гражданских учреждениях и, наконец, о его христианских доб-

³⁸ Там же, стр. 297.

³⁹ В. М. Перевощиков. Феофан Прокопович. — Вестник Европы, 1822, № 9—10, май, стр. 13—15.